

Иннокентий Анненский

Бальмонт-лирик

Иннокентий Фёдорович Анненский

Бальмонт-лирик

Серия «Книга отражений», книга 6

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2824685

Аннотация

«Среди многообразных особенностей или, может быть, недоразвитостей, а иногда и искажений нашей духовной природы, которыми мы обязаны русской истории, меня всегда занимала одна – узость нашего взгляда на слово. Нас и до сих пор еще несколько смущает оригинальность, и тем более смелость русского слова, даже в тех случаях, когда мы чувствуем за ней несомненную красоту. Мы слишком привыкли смотреть на слово сверху вниз, как на нечто бесцветно-служилое, точно бы это была какая-нибудь стенография или эсперанто, а не эстетически ценное явление из области древнейшего и тончайшего из искусств, где живут мировые типы со всей красотой их эмоционального и живописного выражения...»

Содержание

I	4
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Иннокентий Федорович Анненский Бальмонт-лирик

I

Среди многообразных особенностей или, может быть, недоразвитостей, а иногда и искажений нашей духовной природы, которыми мы обязаны русской истории, меня всегда занимала одна – узость нашего взгляда на слово. Нас и до сих пор еще несколько смущает оригинальность, и тем более смелость русского слова, даже в тех случаях, когда мы чувствуем за ней несомненную красоту. Мы слишком привыкли смотреть на слово сверху вниз, как на нечто бесцветно-служилое, точно бы это была какая-нибудь стенография или эсперанто, а не эстетически ценное явление из области древнейшего и тончайшего из искусств, где живут мировые типы со всей красотой их эмоционального и живописного выражения.

Наследье аскетов, взгляд на телесную оболочку лишь с точки зрения ее греховного соблазна и бренности, аналогически переносится нами и на слово – исконного слугу мысли. Слово остается для нас явлением низшего порядка, кото-

рое живет исключительно отраженным светом; ему дозволяется, положим, побрякивать в стихках, но этим и должна исчерпываться его музыкальная потенция. Если в стихах дозволительны и даже желательны украшения, то все же, помня свой литературный ранг, они должны оставлять идею легко переводимую на обыденный, служилый волапюк, который почему-то считается привилегированным выразителем мира, не корреспондирующего с внешним непосредственно.

И главное при этом – ранжир и нивелировка. Для науки все богатство, вся гибкость нашего духовного мира; здравый смысл может уверять, что земля неподвижна – наука ему не поверит; для слова же, т. е. поэзии, за глаза довольно и *здравого смысла* – здесь он верховный судья, и решения его никому обжалованью не подлежат. Поэтическое слово не смеет быть той капризной струей крови, которая греет и розовит мою руку: оно должно быть той рукавицей, которая напяливается на все ручные кисти, не подходя ни к одной. Вы чувствуете, что горячая струя, питая руку, напишет тонкую поэму, нет, – надевайте непременно рукавицу, потому что в ней можно писать только аршинными буквами, которые будут видны всем, пусть в них и не будет видно вашего почерка, т. е. вашего я.

Если хотите, то невозбранно и сознательно-сильной красоты у нас могло достигнуть одно церковнославянское слово, может быть, потому, что его выразительность и сила были нам так или иначе нужны, и их погладила даже львиная лапа

Петра¹. Слово гражданское сразу попало в отделку голландским шкиперам и стало уделом школы и канцелярии, которые и наложили на него печать безответной служилости.

В дальнейшей истории, благодаря официально-городскому характеру нашей словесности и железной централизации, книжная речь мало-помалу лишалась животворного влияния местных элементов и вообще слов чисто народных, как подлых. Еще Белинскому ничего не говорила народная поэзия², да и с тех-то пор едва ли голос ее стал громче.

Не находя поддержки в искусстве устной речи, в котором государство не нуждалось, наше слово эмансипировалось лишь весьма недостаточно; при этом оно обязано своим развитием не столько культурной работе, как отдельным вспышкам гения. Не забудьте еще, что за плечами у нас не было Рима и стильной латинской культурности, в Византию

¹ ... и их погладила даже львиная лапа Петра. – Анненский, по-видимому, имеет в виду частое употребление церковнославянизмов в указах и других документах, написанных Петром I.

² Еще Белинскому ничего не говорила народная поэзия... – Анненский не учитывает эволюции Белинского в его отношении к фольклору и всей сложности его оценок, в общей системе взглядов критика. В XIX-начале XX в. подобное отношение к Белинскому как к отрицателю народного творчества было широко распространено. На самом деле Белинский допускал иногда в полемическом задоре резкие выпады против превознесения народного творчества в ущерб индивидуальной литературе нового времени и против современных подражаний фольклору – на эти высказывания и ссылались чаще всего истолкователи Белинского как отрицателя фольклора. Однако следует учитывать и его историчные, серьезные очерки устного народного творчества, например, в большом цикле статей о сборнике Кириши Данилова (1841). Указано Б. Ф. Егоровым.

же мы и сами захлопнули дверь, порвав со славянщиной.

Вторая половина XIX в. останется в литературе эпохой безраздельного господства журнализма. В журнальную работу уходило все, что только было в литературе живого и талантливое. Кто знает, увидели ли бы мы даже «Бесов», если бы не своевременные катковские авансы Достоевскому³. История оценит в свое время трудную и важную роль русского журналиста. Русский гений наделен такой редкой силой, скажу даже – властью, приспособляемости, что в нашей литературе были крупные писатели, которых как-то нельзя даже представить себе вне журнала. Достаточно назвать имена Глеба Успенского и Салтыкова. Выработался мало помалу особый тип художественных произведений вроде салтыковского «За рубежом», едва ли не вполне чуждый Западу. Не говорить же о Лабуле⁴ или последней формации Барреса⁵.

Я бы назвал характер произведений Салтыкова *байронизмом* журналистики. Салтыкову же мы обязаны и едва ли не апогеем развития нашего служилого слова.

³ Катков Михаил Никифорович (1818–1887) – реакционный публицист; издатель «Русского вестника». С Катковым Достоевского связывали деловые и денежные обязательства.

⁴ Лабуле де Лефевр Эдуард Рене (1811–1883) – французский публицист, ученый, общественный деятель.

⁵ Баррес Морис (1862–1923) – французский писатель. Произведения Барреса отмечены индивидуализмом, мистическим самоанализом, антидемократизмом. Баррес импонировал современникам публицистической страстностью, остротой демагогической критики буржуазно-республиканской Франции.

Эзоповская, рабья речь едва ли когда-нибудь будет еще звучать таким злобным трагизмом.

Придется ли говорить о судьбе русских стихов с 40-х годов и до конца века? Я не буду уже поминать всех этих Крешевых⁶, Грековых⁷ и скольких еще, которые отцвели, не успевши расцвести, но такие поэты, как Случевский⁸ и Кусков⁹, начавши писать в юности, должны были, в силу внешних обстоятельств, замолкать на десятки лет до преклонного возраста. А рядом процветали стихи Шеллера¹⁰ и Омулевского¹¹ и все эти забытые теперь с сербского, из Петефи¹², из Ларры¹³ – мимоходом, никогда не писавшего стихов.

Вы помните, конечно, что Писарев одобрял поэзию Майкова¹⁴. Но каково было это одобрение. Базаров видел в довольно смело выраженном эпикуреизме тогда еще молодого

⁶ Крешев Иван Петрович (1824–1859) – поэт и переводчик.

⁷ Греков Николай Порфирьевич (1810–1866) – поэт и переводчик.

⁸ Случевский Константин Константинович (1837–1904) – поэт и прозаик.

⁹ Кусков Платон Александрович (1834–1909) – поэт.

¹⁰ Шеллер (псевд. Михайлов) Александр Константинович (1838–1900) – поэт и прозаик.

¹¹ Омулевский (Федоров) Иван Васильевич (1836–1883) – поэт и прозаик.

¹² Петефи Шандор (1823–1849) – венгерский поэт.

¹³ Ларра-Ларра-и-Санчес де Кастро Марьяно Хосе де (1809–1837) – испанский писатель, критик, публицист.

¹⁴ Вы помните, конечно, что Писарев одобрил поэзию Майкова. – Анненский, очевидно, имеет в виду слова из статьи Писарева «Писемский, Тургенев и Гончаров»: «У наших лириков, за исключением гг. Майкова и Некрасова, нет никакого внутреннего содержания...» («Русское слово», 1861, кн. 11, с. 5).

Майкова законное заявление о требованиях организма. Хороша, подумаешь, поэзия!

Говорить ли о судьбе Алексея Толстого, которого начинают понимать лишь через 30 лет после его смерти, о только что собранной сокровищнице Фета, о Тютчеве, которого знают только по хрестоматии Галахова¹⁵; о поэзии Полонского, этой растрепанно-яркой комете нашей литературы?!?

Если бы кто-нибудь сделал для нее хоть то, что покойный поэт сделал для Бенедиктова¹⁶.

Да что я говорю о судьбе наших *di minores*¹⁷, когда исследование столетнего Пушкина после всех памятников, обедов и речей начато только вчера академиком Коршем¹⁸, и если хоть несколько известно в литературе, то лишь благодаря своему анекдотическому поводу¹⁹. Эстетизм силою об-

¹⁵ Галахов Алексей Дмитриевич (1807–1892) – историк литературы. Составитель пособий по истории русской литературы, в том числе книги «Русская хрестоматия» (1842).

¹⁶ ...что покойный поэт сделал для Бенедиктова. – Я. П. Полонский подготовил к изданию сочинения Бенедиктова. См.: Бенедиктов В. Г. Сочинения. Т. 1, 2. СПб. – М., 1902. / Под ред. Я. П. Полонского. 2-е, посмертное изд.

¹⁷ Здесь: меньших по значению (*лат.*).

¹⁸ Корш Федор Евгеньевич (1843–1915) – академик, профессор классической филологии, переводчик. Историко-литературные работы Корша посвящены критическому анализу текстов классических авторов, восточной, славянским и русской литературам.

¹⁹ ...исследование столетнего Пушкина... известно в литературе... благодаря своему анекдотическому поводу. – Анненский имеет в виду книгу Корша «Разбор вопроса о подлинности окончания „Русалки“ А. С. Пушкина по записи Д. П. Зуева» (СПб., 1898). Анекдотический повод – публикация в «Русском

стоятельств сроднился в нашем сознании с нераскаянным барством, и только история разберет когда-нибудь на досуге летопись его многострадальности. Развитию нашего устного слова очень мало помогала до сих пор и школа, благодаря тому, что толстовские училища безусловно ограничили устное преподавание наше в пользу учебника, и все мы в лучшую пору нашей восприимчивости должны были посвящать часы самой свежей работы учебникам, т. е. книгам нелитературным по самому существу. Мудрено ли, но у нас нет до сих пор литературного стиля, хотя были и есть превосходные писатели, и ораторы, и даже стилисты, главным образом, кажется, по канцеляриям.

Но я говорю *здесь о стиле лишь в широком* смысле этого слова, т. е. о повышенном чувстве речи и признании законности ее эстетических критериев, как об элементе общественного сознания. Флобер и какой-нибудь Jehan Rictus²⁰ могут смотреть на силу французского языка и его красоту с совершенно различных точек зрения; для Реми де Гурмона²¹ в вопросе о стиле определителем является природа, *φύσις*,

архиве» окончания «Русалки», якобы записанного Д. П. Зуевым. Впоследствии подлинность записи Зуева была опровергнута.

²⁰ Jehan Rictus – Жан Риктю (1867–1933); настоящее имя: Габриэль Рандон де Сент-Аман – французский поэт.

²¹ Гурмон Ремиде (1858–1915) – французский писатель и критик символистского направления. Критический метод Гурмона оказал некоторое влияние на творчество Анненского.

тогда как для Альбала²² этот критерий есть только Θεσις²³, но при всей полярности взглядов, направлений и вкусов в области речи для французского литератора вопросы стиля никогда не будут так безразличны, как для нашего. Виктор Гюго в разгаре романтизма провозгласил равенство всех слов французского языка²⁴, и этому прошло уже более полувека; а три года тому назад в симфоническом собрании при мне ошибали комментатора Сен-Санса за слово *cathedralesque*²⁵, несмотря на то, что это слово было понятно каждому слушателю. У французов есть стиль, и они ценят стильность; у нас есть отдельные манеры писать, к которым мы относимся терпимо, если они не очень отступают от привычной, но для стильности речи русскому сознанию недостает еще многого. Нет у нас образцов речи, нет и ее литературных схем, в виде ли речи академической, речи кафедры или речи сцены. Литературная русская речь как бы висит в воздухе между журнальным волапюком и говореньем, т. е. зыбкой беспредельностью великорусских наречий и поднаречий. Мало помога-

²² Альбала Антуан (1856–1935) – французский писатель, литературовед.

²³ Условие, тезис (*греч.*).

²⁴ Виктор Гюго... провозгласил равенство всех слов французского языка... – В трактате «Вильям Шекспир» Гюго писал: «До настоящего времени существовала литература для образованных. Во Франции... литература особенно стремилась стать замкнутой кастой... Не все слова имели право на существование в языке. Словарь соглашался или не соглашался включить какое-либо слово в свой состав... Пора оставить такой образ мыслей. Этого требует демократия» (Гюго В. Собр. соч. М. 1956, т. 14, с. 320–321).

²⁵ Собороподобный (*фр.*).

ет выработке русской речи и наша школьная теория поэзии, в которой все еще царят Лессинг и Шиллер да еще со всеми ошибками изготовителей учебной литературы. Но я не вижу ближайшей связи и между историко-генетическим методом в исследовании словесных произведений и выработкой стиля, т. е. повышением нашего чувства речи. Я уже не говорю о том, что для русских лингвистов наша литературная речь есть явление гибридное и едва ли особенно поучительное. Крайняя небрежность и принципиальная бесцветность журнальной речи делают для исследователя нашего литературного языка особенно интересными попытки русских стихотворцев последних дней. Так или иначе, эти попытки заставили русского читателя думать о языке как об искусстве, – следовательно, они повышают наше чувство речи. Я лично успел более или менее разобраться лишь в творчестве одного из новых поэтов – К. Д. Бальмонта. Бальмонт переводил и писал очень много стихов, но наиболее определятельными для его поэзии являются, по-моему, сборники: «Горящие здания», «Будем как солнце» и «Только любовь», о них-то, главным образом, и пойдет речь ниже.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.